

Настя боится

Деда Вова, отец моего отца, говорил, что меня называли старушечьим именем. У него была бабка Настасья. В детстве я прочитала, что с греческого “Анастасия” переводится как “воскресшая”, и меня это несильно впечатлило. Меньше всего в четыре года я задумывалась о смерти и воскрешении. То ли дело “храбрая”, “красивая” или хотя бы “мудрая”. Но мудрыми были Елены, а прекрасными – Василисы. Храбрости мне тоже не досталось. Настя боялась.

Обычно в России детей пугают бабайками и бабками Ёжками, но главный страх моего детства был родом из Ирландии. Это был Лепрекон из одноименного фильма 1993 года. Всего на год старше меня самой. Глазами взрослого человека он выглядит нелепым и даже жалким, но только не глазами четырехлетки. Я семенила короткими детскими ногами (ну прямо лепреконьими) из одной комнаты в другую, когда заметила, что папа вместе с другом смотрят что-то по видеку.

Детское любопытство капля за каплей нависало надо мной облаком и превращалось в грозовую тучу. Меня так и подмывало остановиться и посмотреть, что захватило внимание двух взрослых людей. Тучу прорвало. Я задержала взгляд на выпуклом экране на несколько секунд. В фильме герои что-то или кого-то искали в темном сарайчке. Они постепенно отдалялись на задний план, фон размывался. И тут кто-то мелкий повис с потолка затылком к камере. Резкий разворот. Безобразное морщинистое лицо землистого цвета смотрело на меня и зло ухмылялось. Этого хватило, чтобы мерзкий гном с гнилыми зубами терроризировал меня на протяжении последующих нескольких лет. Лепрекон не давал мне засыпать лицом к окну, а уж если и позволял, то с крепко-крепко зажмуренными глазами. Если их открою, то он непременно будет там, в окне, висеть с крыши вверх тормашками, прямо как в фильме. Будет тарашиться на меня воспаленными глазами, скрестись окостенелыми когтями по стеклу. А я, онемевшая от страха, так и буду беззащитно валяться в кровати и ждать, когда Лепрекон доберется сначала до меня, а потом до моих монеток. Я хранила их в пластиковой банке из-под майонеза. Папа сказал, что когда монет наберется полная банка, хватит на покупку компьютера. Хватило только на коврик для мышки.

Масла в огонь подливали родители. Поняв, что даже упоминание этого персонажа вызывает во мне страх, стали припугивать им каждый раз, когда я начинала себя плохо вести. А точнее, не самим Лепреконом, а видеокассетой, на которую был записан фильм. Буду баловаться, и он непременно вылезет оттуда. Как назло, внешний вид кассеты был тоже пугающим. Она была не покупной, а переписанной, так что не имела опознавательных знаков, а коробка была обшарпанной и неприятной.

Страх мой никуда не уходил вплоть до одной решающей ночи. Я лежала, как обычно, спиной к окну, когда мне приснился сон. Лепрекон пришел ко мне с ведерком полным красивых зеленых стеклышек. Они переливались на солнце в

цвет его изумрудного камзола. Судя по его улыбке, он наконец почистил зубы. Рыжая борода была аккуратно расчесана. Я не испугалась, подошла к Лепрекону поближе и предложила дружить. И все, как рукой сняло. Больше он меня не беспокоил. Ни во снах, ни в жизни. Но на смену этому страху пришел другой, куда более реальный

В девять лет меня напугала собака. Был ли это большой, лохматый, с дредами из шерсти и грязи бродячий пес или же чья-то маленькая визгливая собачонка вроде тех, что всегда сопровождают гуляющих пенсионерок – я не знаю. Время года и другие обстоятельства столь травматичного события я тоже не помню. В моем распоряжении осталось лишь наличие голого факта. В виде остаточного налета сохранилось будто вшитое внутри меня сочувствие всем тем, кто при виде бесповодочной собаки любого калибра разворачивается в обратную сторону, лишь бы не столкнуться со своей четырехлапой угрозой. Даже при всех заверениях ее хозяина, что это самый ласковый и нежный зверь на свете. Сама-то я совершенно спокойно смотрю в глаза своему бывшему страху, даже предаюсь умилению и вообще задумываюсь о щенке бультерьера. Но кто знает, как сложилась бы моя жизнь, если бы этот страх не стерли у меня из памяти. И были это вовсе не мужики в черных костюмах и металлической приبلудой в руках, а деревенская бабка. Было бы уместнее назвать ее старушкой, но так уж повелось, что в деревнях это называют “водить по бабкам”. Вот и меня повели.

Инициатором лечения от испуга выступила моя баб Катя, жившая со старушкой-знахаркой в одном селе. Она-то и сказала моим родителям: “Все поправим, привозите внучку”. Баб Катя, в отличие от сухенькой знахарки, была женщиной, что называется “в теле”. У нее было круглое лицо с такими же круглыми очками и большой мягкой живот без пупка. Мы мылись в бане, когда я впервые заметила пропажу. Я сидела в тазике с мыльной водой на полке и задалась резонным вопросом: “Баб Катя, а где твой пуп?” Бабушка ответила: “Так вырезали вместе с грыжей”. Я задумалась, налила себе в тазик очередную порцию шампуня ярко-зеленого цвета, взбултыхала до пены и вдруг испугалась: “Баб Катя, а как ты теперь дышишь?” Баба Катя раскатисто захохотала, от чего у нее затряслись отвисшие до того самого места, где должен был находиться пупок, груди. Из предбанника зашла мама, выслушала бабушкин пересказ, прыснула от смеха и на правах не только моей мамы, но и учительницы биологии, начала объяснять мне, за счет чего на самом деле дышат люди. Я ничего не поняла, но беспокоиться за бабу Катю перестала.

Баба Катя вела меня за руку на тот край села, где раньше мне бывать не приходилось. Ее вторая рука крепко сжимала тканевую сумку, из которой торчал уголок коробки с зефиром – наши дары старушке-знахарке. Моя баб Катя лечить не умела, зато работа продавцом в РАЙПО давала ей доступ ко всем продуктовым благам раньше других сельских жителей. Это было настоящее путешествие в края, где большие кирпичные дома начинают сменяться побеленными известкой избушками. В одной из таких избушек и жила знахарка. Мы вошли, и мой взгляд сразу же зацепился за гору подушек на

металлической кровати. Дома у бабы Кати тоже жила гора из подушек, но наши подушки были непропорционально большими и одеты в обычные наволочки. Эти же выстраивались в аккуратную пирамидку от бóльшей к меньшей, и по периметру каждой красовались вязанные кружева. Хрупкая на вид старушка вытащила из-под нижней подушки что-то блестящее и поволокла в центр комнаты такую же древнюю, как она сама, табуретку. Я села на нее и уже тогда увидела, что этот блестящий предмет был серебряным ножом. Знахарка закрыла глаза и положила левую ладонь мне на макушку. Правой рукой, державшей нож, она начала описывать круги у меня над головой. Все это действие сопровождалось быстрыми нашептываниями, похожими на молитвенный рэп. Ритуал свершился.

Мы отправились с бабой Катей домой. Сумку, теперь уже пустую, несла я, высматривая, когда впереди замаячит бабин дом. Я молчала и копила слова, чтобы пройдя за деревянную калитку, громко поприветствовать Амура – старую кавказскую овчарку, жившую в этом доме еще до моего рождения – и рассказать ему о сегодняшнем приключении. Страх не было. Было желание потрепать Амура за ухом и вспомнить, почему я не делала этого так долго. Тогда я еще не знала, что ровно через год мне предстоит столкнуться с предводителем всех страхов – страхом смерти.

Баба Катя умерла следующим летом. Ей было всего 56 лет, и теперь, когда моей маме ровно столько же, эти цифры кажутся мне чудовищными. Баб Катя радовалась долгожданному выходу на пенсию, и вместе с дедой Вовой они затеяли в доме ремонт. Когда бабушка где-то под потолком прикладывала к стене очередную мокрую от клея полосу обоев, ей стало плохо. Она умерла на руках у деда в карете скорой помощи от гипертонического криза. Папа вернулся домой со службы среди рабочего дня и сказал мне, что его мамы больше нет. Я сидела на краю кровати и пыталась осмыслить сказанное. Красные от слез глаза отца помогли мне быстрее осознать, что произошло что-то непоправимое. Я никогда не видела, чтобы папа плакал.

Я же не проронила ни слезинки. Ни когда мне сообщили о бабушкиной смерти, ни когда я ехала в кузове грузовика рядом с ее гробом, ни когда бросала горсть земли своей детской рукой в яму небытия. Я не знала, почему я не могу заплакать, но точно знала, что не плакать на похоронах – неприлично. Насильно вызвать у себя слезы никак не получалось, тогда я начала имитировать плач, тихо подвывая и промакивая носовым платком абсолютно сухие глаза. Слезы не выходили наружу ни на второй, ни на третий день. Я чувствовала, как они накапливаются где-то внутри, превращаясь в вязкий, удушающий ком. В один из дней мне перестало хватать воздуха, я попросила маму вызвать мне скорую. Я умирала.

Да, мне казалось, что я умираю. Умираю рано и без предупреждения, как моя бабушка. Я просила маму позвонить врачам каждый раз, когда мою грудь сдавливало так, что невозможно было ни выдохнуть, ни вдохнуть. Мама успокаивала меня словами, что в десять лет люди не умирают. Но как тогда объяснить надгробие с фотографией четырехлетней девочки, которую я, как

завороженная, рассматривала каждую весну, когда мы с родителями приезжали убираться на могилках? Мне не могли помочь врачи, потому что их так никто и не вызвал. Да и знали ли сельские доктора, как помочь ребенку с паническими атаками? Мне не могла помочь баб Катя, потому что не приходила ко мне во сне. Мне не могла помочь старушка-знахарка со своим серебряным ножом, потому что не было бабы Кати, которая могла бы меня к ней отвести.

Мне оставалось только помочь самой себе. Ведь “Анастасия” переводится с греческого как “воскресшая.” А значит, я буду умирать и воскресать, снова и снова.